

BK 84
У-86

УТРО

НАД ПРТЫШОМ

ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

У Т Р О
над Иртышом

1992
1992
1992

БИБЛИОТЕКА
ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ
У Н О Ц К

Облиздат
Усть-Каменогорск — 1960.

Среди авторов этой книги нет профессиональных писателей.

В сборник «Утро над Иртышом» вошли произведения, написанные людьми различных специальностей. К примеру, Федор Карбушев много лет был председателем поселкового Совета, а сейчас — пенсионер. Михаил Чистяков и Иван Кудинов — педагоги. Иван Климченко, Георгий Озирный, Иван Иванов, Адриан Розанов — сотрудники газет. Виктор Костюк — инженер-проектировщик, Шамши Машрафин — слесарь, Альбина Орнатовская — продавщица, Зоя Шеменова — студентка...

Все они — члены областного литературного объединения, которое возникло в Усть-Каменогорске около десяти лет назад. Стихи, рассказы, очерки литераторов Восточного Казахстана печатались в местных, республиканских и центральных газетах и журналах. Кроме того, активисты литературного объединения нередко выступают по радио и телевидению, встречаются с читателями в клубах, институтах, школах, цехах предприятий и на полевых станах.

Наш Рудный Алтай — такова главная тема сборника. Поэты и прозаики Восточно-Казахстанской области стремятся рассказать о прошлом и настоящем своего богатого и своеобразного края, о тружениках его заводов и рудников, новостроек, сел и аулов, о его снежных хребтах, бурных реках и цветущих долинах.

Книга «Утро над Иртышом» посвящается славному сорокалетию Советского Казахстана.

Петр КАПУСТИН

ИЛЬИЧУ

Идти путем, указанным тобой, —
Что может быть прекраснее призванья!
Во всех делах, свершеньях, начинаньях
Ты с нами вместе — мудрый и родной.

И светлые надежды, и мечты,
И горести тебе мы поверяем.
Советчика мы лучшего не знаем,
Не знаем друга лучшего, чем ты.

Россией нищей Родина была,
Ее тюрьмой народов называли,
Но ты и Партия ей силы расковали, —
Она большое счастье обрела.

Твоих идей стремителен полет,
Подвластны им и время и просторы.
Твоя святая правда зримо, скоро
На всей Земле, как радость, расцветет.

Всегда ты с нами — мудрый и родной,
Во всех делах, свершеньях, начинаньях.
Не знаем мы прекраснее призванья, —
Идти путем, указанным тобой!

**Памятник В. И. Ленину в г. Усть-Каменогорске
Фото Н. Борисова.**

Анатолий КОРОВКИН

МОЙ КАЗАХСТАН

Ты строен,
Величав,
Могуч и светел,
Ты славой трудовой осиян.
Приветствую твое сорокалетье,
Мой солнечный,
Мой гордый Казахстан.

Шумят хлеба раздольным океаном,
Твоя Магнитка всем нам по душе.
Горят огнями два гидрогиганта
На нашем многоводном Иртыше.

Передо мной — предгорья и отроги,
Как пышный сад, земля твоя цветет.
И в коммунизм уверенной дорогой
Тебя родная партия ведет.

Пускай поет в твоих просторах ветер,
Тебе в грядущее маршрут великий дан.
Приветствую твое сорокалетье,
Мой солнечный,
Мой гордый Казахстан!

Михаил ЧИСТЯКОВ

ЯКОВ УШАНОВ

(Поэма)

Четырнадцатое марта 1918 года.

Митинг.

Люди — живое море.

Древняя тишь — разорвана в клочья.

Орут, напирают, грозятся, спорят,

Бушующим шквалом площадь грохочет.

В знаменах и лозунгах город-старик,

Солдаты, бергалы, мастеровые,

Локтями работая, прут напрямик

К трибуне сквозь ругань и окрики злые.

За ворот

Буржуйских прихвостней цапают —

Настороже — револьвер и штык.

Лишь только стащат эсера за полу, —

Митингу в уши орет меньшевик.

Вот сквозь толпу адвокат Малинов

Пробрался. Облезлой шляпой взмахнул:

— Немцы вторгаются в Украину,

А вы говорите «долой войну»?

Вспомните ваших отцов и дедов!

Предки!

О, как я ими горжусь!

Нет, война до конца, до победы,

Иначе — пропала матушка-Русь!

Он воздух глотнул пересохшим ртом,

И сразу в ответ загудело, затопало:

— Горазд воевать чужим-то горбом!

— Тебя б самого, краснобая, в окопы!

Эсер под свист и насмешек град,

Съежась, опасливо пятится задом.

И вот над трибуной вырос солдат,

Окинул митинг внимательным взглядом:

— Довольно глхнуть от лая мортир!
Мы не пойдём на убой, как бараны!
Да здравствует Ленин!
Да здравствует мир!
Заводы — рабочим,
Земля — крестьянам!
Сошлись к переносью темные брови,
Короткий, но властный взмах руки.
А в сердце тесно горячей крови,
Она толчками стучит в виски.
Ушанов откинул русые пряди,
Колоче вспыхнула глаз синева,
И пристально в лица суровые глядя,
Бросил,
Как искры на порох,
Слова:
— Товарищи!
К Думе!
К Народному дому!
Разгоним промышленников и купцов!
Площадь подобна раскатам грома,
Грозно катится гул голосов:
— Верно, Ушанов!
— Оглобля в пасть им!
— В Думе одни меньшаки да кадеты!
— Хватит! Понюхали ихней власти!
— Долой буржуев!
— Даешь Советы!

* * *

Ночь.
В доме затихли звуки,
Лишь Яков про сон забыл.
Большие сильные руки
За спину заложил.
Размеренными шагами
По комнате взад-вперед:
«Вставай, подымайся, Усть-Камень,
Встречай новой жизни восход!
Вьется алый флаг над театром,
Город сразу вырос,
Окреп.
Вместо вчерашних эксплуататоров —

Народная власть — Совдеп!»
...Ушанов сел на скамейку,
Достал кисет, закурил.
Извилистой, сизой змейкой
Махорочный дым поплыл.
Свобода!
Горит революции пламя!
Бьет ветер победы в грудь!
И встал пред его глазами
Трудный солдатский путь.
Он шел «за веру, царя и отечество».
В сквозные атаки,
В лихие бои.
Выказывал удаль и молодечество,
Врагов
Их собственной кровью поил.
Он крался к немецким окопам по-рысьи,
К рассвету притаскивал «языка».
А мать писала горькие письма,
Все с фронта ждала сынка.
Писала: «Нет хлеба, Яша,
Совсем захворал отец»,
И беспрерывно спрашивала,
Когда же войне конец.
Он слышал надрывную, злую
Тоску из глухих траншей:
«Солдаты!
За что воюем?
За что мы тут кормим вшей?»
В шестнадцатом все смешалось,
Покрылся грозой горизонт.
Издерганный и усталый,
По швам расползлся фронт.
Вагоны, вагоны, вагоны.
Солдатская песня и брань.
Идут и идут эшелоны.
На Курск, на Смоленск, на Казань...
Потом волна октябрьских событий
Старый мир пустила на слом.
Яков по улицам красного Питера
Шел со своим боевым полком.
Брал Зимний,
Глушил юнкеров гранатами,
Стремился правду всем сердцем постичь,

Депю,
Телеграф,
Казначейство —
Все переходит в руки Совдепа.

2.

Ступени к новому миру
Тернисты.

Ушанов кипит в повседневной буче,
Глаза — большие, синие, чистые —

Яков Васильевич Ушанов — первый
председатель Усть-Каменогорского Совдепа,
сожжен анненковцами 24 октября 1918 года
в топке парохода «Монгол».

То вдруг заискрятся,
То станут колючими.
Он время торопит, дни тормоша,
На ворох дел навалился грудью.
К нему в Совдеп спозаранку спешат
Со своими заботами люди.
Вот заходит солдатка-вдова,
Растрогана, рада:
— Спасибо Совету!
Теперь у меня и хлеб и дрова,
Хата исправна, семья обогрета...
Яков Васильич — скромный, простой —
Взглянул на солдатку весело:
— Значит, живем?
Совладали с нуждой?
А то совсем было нос повесила!
И вспомнил:
Хибарка — все бревнышки сгнили,
Жмых едят ребятишки — голод.
Ждут отца... А отец-кормилец
На фронте германским штыком заколот,
Затихли солдатки шаги в коридоре,
И к сердцу хлынули грустные думы:
«Сколько нужды, неизбывного горя
На этой земле, неуютной, угрюмой.
Но — кончено!
По боку долю куцую!
Будем строить свою весну.
В работу!
Распахивай плуг революции
Ниву жизни на всю глубину!
Ушанов теплеет от дум сокровенных,
Трогает русые пряди волос.
...Вошел купец, поклонился степенно,
Кашлянул в бороду и произнес:
— Насчет обложенья, Шибко много.
Двадцать пять тыщ! Это куды ж!
Яков брови нахмурил строго:
— Много накинули, говоришь?
— Знамо...
Доход-то ноне какой?
Так ведь... богу на свечку... грошишки.
У Якова взгляд насмешливо-злой:

— А сколько золота спрятал в кубышках?
Проситель (обидой лицо набухает,
Она ползет по дрожащим губам):
— Деньги мои, председатель, считаешь?
А ты наживи их попробуй, сам!
— Сам?
Не грешно тебе,
Сидор Устиныч?
На всю округу расставил силки:
Куда ни глянешь — твои магазины,
Куда ни ступишь — твои кабаки!

**Сергей Иванович Рябов — комиссар
продовольственного отряда, расстрелян
белогвардейцами в 1918 году.**

Купец потемнел, как туча:
— Так... понятно... Значит, не веришь?
И, шапку на лысину нахлобучив,
Подался к выходу, злобно ощерясь.
— Здорово, Яков! —
Продкомиссар,
Сергей Иванович Рябов,
Провел рукою по черным усам,
Сел с председателем рядом:
— Приехал? —
У Якова взгляд веселеет: —
Ну, как там деревня?
Чем угостила?
— Остервенели совсем богатеи,
Того и гляди — подымут на вилы.
В Отрадном вчера... Не забудешь век...
Бунт подняли кулацкие хари!
Все продармейцы — семь человек —
Сидят под замком в амбаре.
А по селу — коромыслом дым,
Мелькают колья, оглобли, шкворни...
Не подоспей я с ребятами к ним —
Устроили б им кулаки живодерню.
Вот так и работаем:
Что ни день —
Стычки, засады, угрозы.
А все ж за неделю с трех деревень
Отправили питерцам три обоза.
— Вот это да! Молодец, Серега! —
Ушанов качнулся всем телом вперед, —
Значит, в Питер идет подмога?
Кряхтят мироеды?
Наша берет!
Потом на лицо набежали тени,
Сразу жесткими стали глаза:
— Вот. Читай.
Телеграмма от Ленина.
Питер сидит на осьмушке овса.
Там насмерть сейчас рабочие бьются,
А голод зажал их в тиски стальные.
Хлеб решает судьбу революции,
Хлеб решает судьбу России.
...Бессонные ночи в Совдепе,
Разъезды...

Набрякла усталость на веках тяжелых.
С каждым днем беспокойней в уезде,
Из нор вылезала разная сволочь.
В станицах, селах готовились взрывы,
Зрели заговоры, мятежи...
Казалось, шел по крутому обрыву,
Чуть оступился — и кончена жизнь.

III.

Разбуженный город

1

Дымятся под солнцем Алтая отроги,
Очнулись от зимней спячки леса.
Выходит голодный медведь из берлоги,
Сторожко поводит ушами лиса.
Первый подснежник, нежный и робкий,
Смотрит ребенком новорожденным.
Размыло балки, дороги, тропки,
Путь — не пройти ни пешком, ни конным.
Вздулись реки, готовые вскрыться,
Бегут ручьи, как мальчишки,
Взапуски.
Апрель одевает в шелка и ситцы
Мир,
Обновляя светлыми красками.
Небо — прислушайся чутким ухом
Зеенит...
И такая вокруг синева!
Хлебнешь — и словно от медовухи
Закружится голова.

2.

Ушанов —
схлынул людей поток —
Достал кисет, окно распахнул.
Свежий порывистый ветерок
Лаской весенней в лицо дохнул.
Яков смотрит тепло на город:
Дремлют семейки шатровых крыш,
Сбросили снежный покров свой
Горы,
Ломают ледовый панцырь
Иртыш...
По лужам «лодки» пускают дети,

Птицы летят до своих гнездовий...

Эх, хорошо бы жилось на свете,
Если б не пахло свинцом и кровью.

А секретарь Совдепа Карманов

Рядом с Яковым встал у окна:

— Погодкой любишься? Строишь планы?

— Да, Николай Николаич,

Весна!

Дел-то сколько прибавится сразу!

На беженцев вон смотреть — тоска.

Нельзя ли купеческие лабазы

Им для жилья приспособить пока?

А наводнение?

Постройки ломает,

Срывает паромы у переправ...

После него, как после Мамаю,

Пора обуздать его буйный нрав.

Весна...

В селе нарезают делянки,

Кулачьим наделам по швам трещать!

Как бы в ход не пошли берданки:

Земля мужику, что родная мать.

Карманов придвинулся к Якову ближе,

Играет хитринка в усталых глазах,

Запутался солнечный зайчик рыжий

В черных с проседью волосах:

— А знаешь, Яков: пожалуй, пора

Взять наш край под строгий надзор.

Сколько здесь золота, серебра

И прочих сокровищ в глубинах гор!

С шахтеров тяжкий катится пот,

Не видят света по несколько суток,

А в заграничные банки течет

От нас рекой золотая валюта!

Хищники!

Им бы всю землю — в охапку.

Ну, нет!

Мы Рудный Алтай прочистим.

Уркваргу — первому дать по шапке,

Пусть в свой Лондон катится мистер!

— Верно!

Вот только силы подкопим.

Все клады свои отдадут нам горы.

В Риддерских шахтах, в Зырянских копях
Хозяева будут сами шахтеры!

3.

Дремал два века город кондовый,
Здесь были свои обычаи, нравы.
Глухие ворота на крепких засовах,
Цепями гремящие волкодавы.
Посты, молебны,
свадьбы, крестины...

**Николай Николаевич Карманов — секретарь
первого Усть-Каменогорского Совдепа,
расстрелян белогвардейцами в 1918 году.**

На сверстников в пекле кулачного боя,
А когда на ученье рубил лозу, —
Им любовалось все Меновное,
У него за плечами фронт,
Война.
В сраженьях Собакин не ведал страху, —
Он подымал на дыбы скакуна
И разрубал супротивника смаху.
У Пантелея клинок —
Алмаз.
В капусту —
Австрийцев, немцев и прочих.
А в Пятом году опускался не раз
На крепкие плечи московских рабочих.
Этим клинком да меткой винтовкой
Отец и дед
 под зык офицерский
Грозили стачкам и забастовкам,
Учили «строптивых» ткачей вознесенских.
Он был оплотом дворянской империи,
Он был оплотом русских царей.
Теперь он висит,
 отзвенев в кавалерии,
В ножнях на стене,
 схоронясь от людей.
Сейчас он молчит,
 безобидный и тихий,
Но если хозяин его позовет,
Он снова взлетит под командою лихо,
И вновь не одна голова упадет.
А это будет,
Звереть атаке,
По спинам красных покатится дрожь.
Нет,
Не отдаст Пантелей Собакин
Свое добро за здорово живешь!
От ранней зари до заката дня
Работал. Брал батраков на измор.
Дом пятистенный,
Четыре коня.
И разной живности полон двор.
Зол Пантелей:
 «На поле бы ратном...
Я б показал им, где раки зимуют.

Туда же, к власти!
Голь перекатная!
пу да недолго теперь повоюют!
Намедни приказ издали:
Винтовки
В штаб должны снести казаки.
Нет, нас не поймашь на такую уловку,
Знаем, чем пахнет. Не дураки!
Приказы!
Не шибко их ноне боятся!
Я вот в застрехе свою схоронил.
Они, винтовки-то, нам пригодятся.
Веденин, наш генерал, говорил...»
У Пантелея — бедовый чуб,
В стрелку усы,
Вороненные брови.
Прячет усмешку в морщинках губ,
Лампасы —
Полосы алой крови.
Он снял со стены свой верный клинок:
«Постойте, достукаетесь, вояки!
Придет мой час, подоспеет мой срок —
Покажет себя хорунжий Собакин!»

2.

Площадь.
Трибуна — две бочки смоленых.
Сходка бурлит, как река в ледолом.
Мелькают шинели, лампасы, погоны.
Прет самогоном и чесноком.
Выкрики, словно удары дубинок,
Люди от злобы звериной слепы.
Вот опять вездесущий Малинов —
Шариком выкатился из толпы:
— Граждане! Я — за новый совдеп!
Народ до сумы доведут комиссары!
Казну отбирают, дома!..
А хлеб?
В селах уже пустуют амбары!
Совдеповцы рубят с плеча топором,
Пора заменить их новым составом!
...Какая-то дама в шляпе с пером
Крикнула:
— Bravo, Малинов, bravo!

Летят одобренья из публики «чистой»:
— Сменить комиссаров!
— Давно пора! —
В ладоши хлопают гимназистки,
Нагло щурятся юнкера.
Совдеповцы встали в железный ряд, —
Летит в оратора жало стрел:
— А ты скажи, господин адвокат,
Кем бы ты нас заменить хотел?
В толпе загудели:
— Вошь его ешь!
— Добро-то все отобрали, поди-ка?
— Нет, осталось: шляпа да плешь!
— Хо-хо! Не сладко?
— Как зачирикал!
Эсера сменил офицер казачий,
Как волк матерый, разинул пасть:
— Сожрут коммунисты Россию начисто!
Хватит!
Долой советскую власть!
Где благочестье!
Где светлые праздники?
Где они, прежние наши деньки?
— Хватко, Собакин! — были лабазники.
— Долой! — орали, грозя, казаки.
...Ушанов врезался в самую гущу,
С трибуны плечом оттер казака.
Вцепился глазами в толпу ревущую,
Над ревом глоток взметнулась рука.
Он встал над живой человеческой лавой
И бросил митингу в чрево:
Кто за Совдеп — отходи направо,
Кто против Совдепа — налево!
Толпа раскололась.
Затихла площадь.
Угас клыкастых выкриков вал.
Словно степную, буйную лошадь.
Яков Васильич толпу взнуздал:
— Товарищи!
Мы поднимаем коммуны знамя!
Мы, вчерашние батраки!
Но снова хотят командовать нами
Торговцы, хозяйчики, кулаки!
Чтоб их к народной власти пустили?

Им не в Совдеп, а пора на погост!
— Ве-е-р-р-но!
— Крой их, Яков Васильич!
— Пускай убираются к псу под хвост!

Быстрел...

Пуля — мимо виска,
Упал рабочий с пробитой грудью.

— Держи бандита!

— Бей беляка!

— Веди сюда его!

— Смерть иуде!

Паника

Бегство публики «чистой»,

Мельканье зонтиков,

шляпок,

галош...

Апрельское небо,

Словно сквозь сито,

Сеет мелкий колючий дождь.

V

Комиссар

1.

Штаб Красной Гвардии.

Запах махорки.

Ружья в козлах.

С дегтем бутылки.

Потом пропахшие гимнастерки,

Фуражки,

Сбитые на затылки.

От крепких шагов гудит коридор,

Щелкают смазанные затворы.

Одни — в разведку,

Другие — в дозор,

Третьи —

Ночной патрулировать город.

Зорко стоят на посту часовые.

Штыки поблескивают у дверей.

На взмыленных конях мчат верховые:

«Где комиссар?

Пропускайте скорей!»

Ночи сухи,

Как патроны в обоймах,
Лишь свечку брось, —
И ударит гроза.
Комиссар —
 молодой,
 подтянутый,
 стройный —
Тепло и сталь в голубых глазах.
Чеканит:

**Александр Иванович Машуков — комиссар
Красной Гвардии, расстрелян белоказаками
в Усть-Каменогорской тюрьме 15 июля 1918 года.**

«Новицкий!
Гнедка седлай,
В Зыряновск.
Доставишь срочный пакет».
«Ушков!
С отрядом — в Тарбагатай,
Там баи громят волостной Совет».
«Ильин!
На обыск к лабазнику Кремину.
Не сдал револьвер. Тюрьмой припугни...»
Так
летела горячка времени,
Так
грозовые клубились дни.
Город храпел,
Закусив удила:
Выстрелы в спину,
Шорох листовок,
Слухи,
Липкие, как смола...
А в сердце стучало:
«Винтовок! Винтовок!»

2.

Машуков метнул на поручика взгляд,
Глаза горячие заледенели:
— В Якова значит? Понятно!
Гад!
В самое сердце Совдепа целил?
А ну, отвечай!
По чьему приказу?
Кто руку твою на нас наводил?
Стройный,
порывистый, голубоглазый,
Комиссар в ожиданьи ответа застыл.
В штабе
Смертным холодом веет.
Бежать!
Но за дверью стоит караул.
— Кто наводил? —
Поручик бледнеет —
«Я сам!
Жалею, что промахнул!..»